

Полковник Г.С. Иссерсон и его записка «О причинах и закономерностях военных событий июня 1941 года»

Алексей Кривопалов

**Colonel G.S. Isserson and his note
«On the causes and regularities of the military events of June 1941»**

*Alexey Krivopalov
(Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow)*

DOI 10.31857/S086956870010141-6

Георгий Самойлович Иссерсон (1898—1976) волею судеб не стал участником Великой Отечественной войны. Тем не менее ему довелось оказать значительное, хотя и косвенное влияние на успехи советского оружия. В 1920—1930-е гг. он входил в плеяду выдающихся военных интеллектуалов Советского государства. Именно ему принадлежала тогда ключевая роль в разработке теоретических основ советского оперативного искусства и в создании концепции глубокой наступательной операции.

Иссерсон с энтузиазмом принял большевистскую революцию, добровольцем пошёл в Красную армию, а по окончании Гражданской войны остался в её рядах, получив вскоре высшее военное образование. Во второй половине 1920-х гг. штабные работники новой формации, практически никак не связанные со службой Генерального штаба Императорской армии, вошли в состав советской элиты. Многим из них тогда не было и 30 лет. Когда М.Н. Тухачевский возглавлял Штаб РККА, Иссерсон уже занимал в нём должность заместителя начальника Оперативного управления (1926—1927). Вскоре он сосредоточился на преподавательской работе в Военной академии им. М.В. Фрунзе. В 1936 г., после открытия в Москве Академии

Генерального штаба, комбриг Иссерсон возглавил там кафедру армейских операций, а в 1938 г. занял должность профессора по кафедре оперативного искусства. Среди его учеников были А.М. Василевский, Н.Ф. Ватутин, А.И. Антонов, Р.Я. Малиновский, И.Х. Баграмян, М.В. Захаров, С.М. Штеменко, Л.М. Сандалов и др.

Как известно, в 1920—1930-е гг. все крупнейшие европейские армии искали выход из тупика фронтальности, характерного для Первой мировой войны, когда нередко оказывалось невозможным преодолеть сильно укреплённые позиции противника из-за того, что на очередном технологическом витке средства обороны далеко превзошли пробивную силу нападения. Наступательные операции обеих воюющих сторон на Западном фронте во Франции в 1915—1918 гг. сопровождались огромными безвозвратными потерями и не давали практически никакого результата за пределами переднего края оборонительной

линии противника. Предельная концентрация живой силы и тяжёлой артиллерии на узких участках фронта позволяла атакующим одерживать успехи тактического масштаба, но не обеспечивала даже самым многообещающим прорывам дальнейшее развитие.

Решить эту проблему в странах Антанты рассчитывали в первую очередь с помощью техники, развернув в 1917—1918 гг. серийное производство танков, в Германии же меняли тактику, реорганизовывали и переучивали пехоту. Если в 1914—1916 гг. батальоны, делившиеся на роты и взводы, атаковали волнами стрелковых цепей, следуя за огненным валом артиллерии, то теперь немцы формировали из отделений самостоятельные действующие штурмовые группы (7—8 человек под командованием унтер-офицера). Смысл новой тактики заключался в просачивании, самостоятельном выявлении и подавлении огневых точек противника. Наступлению пехоты предшествовала краткая, но исключительно мощная артподготовка, для сохранения эффекта внезапности проводившаяся без предварительной пристрелки батарей. В ходе «инфильтрации» ударные группы тесно взаимодействовали со штурмовой артиллерией¹. Однако, несмотря на отдельные яркие успехи, достигнутые германскими войсками на Западе в марте—июле 1918 г. и армиями стран Антанты — в ходе общего контрнаступления в августе—ноябре 1918 г., задача оперативного прорыва фронта по-прежнему оставалась неразрешённой.

В конечном итоге, когда осенью 1918 г. Германия рухнула от истощения своих моральных и материальных сил, её стратегический фронт так и не был сокрушён на поле боя. Маршал Ф. Фош смог лишь привести его в неустойчивое положение, хотя к концу 1918 г., помимо англо-французских контингентов, он получил в своё распоряжение около 2 млн американских солдат и офицеров. Под воздействием последовательных ударов, наносившихся на ограниченную глубину, германский фронт во Франции в течение пяти месяцев откатился в северо-восточном направлении на 100—150 км, но устоял и сохранил целостность. В 1920—1930-х гг. проблема осуществления прорыва неизменно оставалась узловой темой военно-теоретических работ. Теснейшим образом с ней были связаны и поиски оптимальных организационных форм управления крупными соединениями.

В военном искусстве XIX в. длившееся неделями и месяцами перемещение войск на театре боевых действий относилось к области стратегии, генеральное же сражение — кульминация всех марш-манёвров — разыгрывалось как одноактный чисто тактический эпизод, продолжавшийся от нескольких часов до нескольких дней. Промежуточные формы между тактикой и стратегией, по существу, отсутствовали. Для Наполеона и Г. фон Мольтке-старшего удачное завершение кампании зачастую было лишь производной от успеха первоначального стратегического развёртывания и победы в решающей битве.

Впоследствии, по мере развития вооружения, техники и коммуникаций, а также роста численности армий, на смену походу и венчавшей его баталии пришли операции, в которых множественные и протяжённые во времени боевые усилия распределялись по фронту и в глубину, охватывая всё пространство театра военных действий. При этом их последовательность становилась практически непрерывной. Таким образом, вместо бинарной системы, включав-

¹ *Lupfer T.T. The Dynamics of Doctrine. The Changes in German Tactical Doctrine During the First World War // Leavenworth Papers. 1981. № 7.*

шей тактику и стратегию², возникла триангулярная, где тактика обеспечивала победу в бою, стратегия отвечала за ведение войны, а оперативное искусство подчиняло к единой цели множество частных боевых столкновений на театре военных действий силы.

Опыт 1918 г. показал, что в новых технологических условиях ресурсы современной обороны позволяли успешно преодолевать даже очень серьёзные тактические неудачи. Под натиском атакующего фронт постепенно вдавливался, но сохранял оперативную целостность, а следовательно, и способность к сопротивлению. По мере продвижения вперёд наступавшие войска испытывали возрастающие материальные трудности вследствие дезорганизации их тылового обеспечения. Они стремительно сгорали на переднем крае фронта, а подтягиваемые из глубины резервы обороняющихся всякий раз восстанавливали систему огня, запечатывали намечавшиеся прорывы и не позволяли выйти на оперативный простор.

В послевоенные 20 лет французы сохраняли верность идее «методичного сражения» и организационным принципам 1918 г. Сомневаясь в возможности преодоления стратегического фронта противника при помощи одного или нескольких сокрушительных ударов и стремясь к минимизации потерь, они склонялись к стратегии измора в обороне и в ходе тщательно спланированных и хорошо подготовленных локальных наступательных операций с предельно централизованным управлением. Осуществляя взаимосвязанные дробящие удары на ограниченную глубину, пехота должна была продвигаться вперёд в сопровождении большого количества танков, прикрываясь валом артиллерийского огня³.

Веймарская Германия, в отличие от Франции, в любой вероятной войне вынуждена была делать ставку на решительное наступление, поскольку Версальский мир лишил её границ, пригодных для статичной обороны, и на западе, и на востоке⁴. Уже в силу этого немцы оказались перед необходимостью ремилитаризации и подготовки к активным маневренным действиям⁵.

Командование рейхсвера исходило из того, что для взлома позиционного фронта и последующего расширения прорыва до оперативных масштабов задействованным в этом соединением помимо большой пробивной силы удара необходима ещё и высокая подвижность. После длительных экспериментов со штатами в 1935 г. немцам удалось создать практически универсальный инструмент маневренной войны — танковую дивизию. Она включала 3—4 батальона танков, 3—4 батальона мотопехоты, 3—4 дивизиона моторизованной артиллерии с мощными тягачами, а также разведывательные, вспомогательные и тыловые подразделения, насчитывая примерно 15 тыс. человек, 250—300 танков и 2—3 тыс. единиц колёсного автотранспорта. Такое соединение одинаково легко преодолевало тактическую зону обороны противника и развивало успех в его оперативной глубине — отражало контрудары, перехватывало и громило на марше резервы. Окончательную изоляцию поля боя должна была обеспечить

² Впервые оба этих явления описал Дитрих фон Бюлов в трактате 1799 г. «Дух новейшей военной системы».

³ *Doughty R.A. French Operational Art: 1888—1940 // Historical Perspectives of the Operational Art.* Washington, 2005. P. 86—94.

⁴ *Corum J.S. The Roots of Blitzkrieg: Hans von Seeckt and German Military Reform.* University Press of Kansas, 1994.

⁵ *Свечин А.А. Стратегия.* М., 1927. С. 184.

авиация, которой предстояло атаковать как передовые позиции, так и резервы и коммуникаций в тылу врага⁶.

Все компоненты танковой дивизии обладали исключительно высокой маршевой скоростью. Не уступали им в мобильности и облегчённые, не имевшие в своём штате танков, моторизованные дивизии. По расчётам «войскового управления»⁷ использование в наступлении мобильных соединений создавало реальные предпосылки к успешному сокрушению даже очень мощного позиционного фронта. Примерно семикратная разница в подвижности танковых и пехотных дивизий порождала постоянное запаздывание контрмер обороняющейся стороны, которая в случае прорыва уже практически не имела шанса, как в 1918 г., запечатать образовавшуюся брешь подтянутой из резерва пехотой.

К схожим выводам пришли в 1930-е гг. и в СССР, где разрабатывали теорию глубокой наступательной операции. Отличия советского и германского подходов заключались лишь в нюансах. Если у немцев и взлом позиций, и глубокий прорыв осуществлял один эшелон мобильных соединений, то в Красной армии предпочитали двухступенчатое решение этих задач. Преодоление линии фронта возлагалось на так называемую ударную армию, объединявшую стрелковые корпуса, танковые бригады поддержки пехоты, инженерные войска и части тяжёлой артиллерии. А расширение пробитой бреши до оперативных масштабов достигалось с помощью ввода в неё высокомобильного «эшелона развития прорыва», состоявшего из механизированных корпусов и моторизованных кавалерийских дивизий.

Однако принципиальную роль в данном случае играли вовсе не различия в приёмах ведения операций. Вермахт безусловно опережал Красную армию в скорости внедрения новых организационных форм в текущую боевую учёбу войск, а также в практику подготовки штабов во всех звеньях командной цепочки. Таким образом, если немцы смогли воплотить свои замыслы в жизнь ещё до начала Второй мировой войны, то в Красной армии теоретические находки 1930-х гг. освоили лишь в середине 1940-х гг. Каскадом глубоких операций, проведённых на Восточном фронте с января 1944 по май 1945 г., большая часть германской сухопутной армии была разбита и уничтожена.

Концепция оперативного искусства стала вершиной отечественной военной мысли XX в., её важнейшим самостоятельным достижением, во многом недооценённым и не понятым в нашей стране. В межвоенные годы ни французская, ни англо-американская, ни даже германская доктрины не содержали столь систематизированного учения об оперативном уровне войны. По словам Ш. Навэ, в западных армиях 1930-х гг. происходила «тактизация стратегии», возникавшая вследствие расширительного толкования тактики и потери из виду оперативно-стратегического горизонта вооружённой борьбы⁸. Характерно, что интеллектуальный приоритет советской военной науки в данной сфере в первую очередь был признан в американской историографии⁹. Б. Мэннинг, переводивший «Эволюцию оперативного искусства» Иссерсона на английский

⁶ О задачах люфтваффе в рамках доктрины блицкрига подробнее см.: *Corum J.S. Luftwaffe. 1939—1940* // *Security and Defence Quarterly*. 2013. № 1. P. 158—189.

⁷ Так назывался в Веймарской Германии формально запрещённый, согласно Версальскому договору, Генеральный штаб.

⁸ *Naveh S. In Pursuit of Military Excellence. The Evolution of Operational Theory*. L.; N.Y., 1997.

⁹ Подробнее см.: *Howard J.R. The Roots of Soviet Victory: the Application of Operational Art on the Eastern Front, 1942—1943*. Fort Leavenworth (Kansas), 2003; *Historical Perspectives of the Operational*

язык, отмечал: «Эта книга больше, чем просто апология советской концепции глубокой наступательной операции, она создала военно-интеллектуальный прорыв своим критическим анализом эволюции военного искусства в историко-теоретической перспективе. Книга является образцом предвидения природы будущей войны. По сути, заключительные выводы Иссерсона могли быть поняты как теоретический образец тех принципов, в соответствии с которыми в 1941—1945 гг. на Восточном фронте в действительности проводились крупномасштабные операции»¹⁰.

Иссерсон счастливо пережил апогей «большого террора» 1937—1938 гг., однако затем стремительный взлёт его карьеры сменился крутым пиком. В декабре 1939 г. он был понижен в звании и должности, покинув пост начальника штаба 7-й армии из-за неудач в начальный период Советско-финской войны. 7 июня 1941 г. его арестовали и в начале 1942 г. приговорили к расстрелу как участника военного заговора. Впоследствии Военная коллегия Верховного суда СССР заменила ему высшую меру наказания десятью годами лагерей.

Полковник вышел на свободу в 1955 г. тяжело больным стариком. После реабилитации и восстановления в звании его тут же уволили в запас. Многие в жизни пришлось начинать заново. Крупные научные достижения и неформальное положение лидера советской военной науки остались позади. Великая Отечественная война прошла мимо. Он оказался в стороне от главного события в судьбе офицеров его поколения. Между тем бывшие ученики, ставшие прославленными генералами и маршалами, далеко опередили своего учителя на иерархической лестнице.

Став пенсионером, последние 20 лет жизни Иссерсон посвятил попыткам добиться уже не судебной, а профессиональной реабилитации. Он жаждал признания своего вклада в теорию глубокой наступательной операции и учение об оперативном искусстве. Однако за новые большие исследования более не принимался. Отчасти этому препятствовало подорванное в тюрьмах и лагерях здоровье, но сказывалось и то, что спрос на фундаментальные военно-научные труды в 1950—1970-е гг. стремительно снижался, а в тех, которые тогда публиковались, всё чаще доминировали идеологическая схоластика и партийный догматизм.

Иссерсон продолжал изредка печататься на страницах Военно-исторического журнала, выступал с докладами и лекциями в Военно-научном обществе, но в основном писал «в стол». Сохранились рукописи широко задуманного, но оставшегося не завершённым философского трактата «Введение в теорию познания»¹¹, а также размышлений о влиянии ядерного оружия на оперативные формы военного дела¹². При жизни Иссерсона была напечатана лишь малая часть составленного им биографического очерка о М.Н. Тухачевском — «Судьба полководца»¹³.

Art. Washington, 2005; *Harrison R.W.* Architect of Soviet Victory in World War II. The Life and Theories of G.S. Isserson. Jefferson (North Carolina), 2010.

¹⁰ *Иссерсон Г.С.* Эволюция оперативного искусства. М., 1932; *Isserson G.S.* The Evolution of Operational Art. Fort Leavenworth (Kansas), 2013.

¹¹ РГВА, ф. 40871, оп. 1, д. 18.

¹² После смерти учёного в апреле 1976 г. данные материалы были переданы его вдовой Л.К. Чукреевой на архивное хранение и сегодня образуют значительную часть личного фонда Г.С. Иссерсона в РГВА.

¹³ РГВА, ф. 40871, оп. 1, д. 30; *Иссерсон Г.С.* Записки современника о М.Н. Тухачевском // Военно-исторический журнал. 1963. № 4. С. 64—78.

В ноябре 1960 г. Иссерсон подготовил краткую (всего 12 машинописных страниц) заметку «О причинах и закономерностях военных событий июня 1941 г. в трактовке “Истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.”»¹⁴. Она фактически представляла собой полемику с первым томом официального издания Министерством обороны¹⁵. Даже в разгар хрущёвской «оттепели» и после опалы Г.К. Жукова подобный материал не имел шансов пройти через цензуру ГлавПУРа.

Критикуя утвердившийся к концу 1950-х гг. канон, Иссерсон утверждал: «Драма, разыгравшаяся в начале войны на нашем западном театре военных действий, имеет глубокие и сложные причины. К сожалению, наша послевоенная литература мало занимается их конкретным выяснением. А допускаемое упрощение только вредит раскрытию исторической правды. В решении этого большого вопроса у нас установился даже некоторый стандарт, которого придерживаются и авторы 1-го тома. Виновным во всех бедах, обрушившихся на нашу армию в начале войны, называют лишь одно имя Сталина, который не предвидел внезапного нападения Гитлера на Советский Союз... Таким образом, на одного Сталина возлагается вина в том, что мы в июне 1941 года оказались не готовыми встретить и отразить внезапное нападение врага, и этим исчерпывается вопрос о причинах наших поражений в начале войны»¹⁶.

Иссерсон признавал «просчёты» Сталина, связанные с неверной оценкой «реальности и возможных сроков внезапного нападения на нас», однако настаивал на том, что высшее командование также должно нести ответственность за положение войск перед войной. Ведь даже «если бы у Сталина не было никаких просчётов, он всё равно мало что мог бы изменить в тяжёлом ходе событий в начале войны, если в решающие перед войной (38—40) годы Генеральный штаб не принял всех мер, чтобы обеспечить мобилизацию армии и держать её в оперативной готовности к вступлению в войну в любых условиях, которые ей могут быть навязаны, — ибо то, что происходит в начале войны, готовится задолго до её возникновения. Это и обязывает нас, говоря о событиях начального периода войны, прежде всего исследовать факторы, которые непосредственно определили мобилизацию, сосредоточение и стратегическое развёртывание нашей армии в июне 1941-го года»¹⁷.

Иссерсон не сомневался в том, что «причины ослабления бдительности вооружённых сил, выразившиеся в её практической мобилизационной и оперативной неготовности, нужно искать в пределах самой военной системы, а не вне её, ибо бдительность, то есть готовность вступить в борьбу, есть требование, присущее самой природе армии в любой политической обстановке и вне оценки её тем или иным государственным деятелем. Если армия мобилизационно и оперативно не готова в любой момент вступить в войну, в каких бы условиях она ни была ей навязана, значит — в самой военной системе есть крупные недостатки». «Не допускаем ли мы тут, — размышлял полковник, — совершенно неприемлемую для нас аналогию с немецкими нацистскими генералами, которые в своих писаниях сваливают сейчас всю вину за проигранную

¹⁴ РГВА, ф. 40871, оп. 1, д. 24.

¹⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 1—6. М., 1960—1965.

¹⁶ РГВА, ф. 40871, оп. 1, д. 24, л. 2.

¹⁷ Там же, л. 4—5.

войну на одного Гитлера, отводя от себя всякую ответственность за допущенные ошибки и просчёты. В грозных событиях войны никогда не может быть виновно лишь одно лицо, хотя бы и стоящее во главе власти»¹⁸. Более того, «возводить всю вину за события 1941 года на одного Сталина исторически неверно и, по существу, примитивно. Подобная точка зрения просто противоречит материалистическому пониманию истории и роли личности в ней. Если говорить о личности Сталина и его роли в Великой Отечественной войне, то нужно скорее говорить о той его деятельности как главы государства и верховного главнокомандующего, которая в тяжчайшей обстановке привела к коренному перелому в ходе войны и к полной победе. Что же касается событий 1941-го года, то нужно иметь в виду, что ни один глава правительства, сколь гениален он бы не был, ничего не сможет сделать в начале войны, если у него до войны не было и к началу войны нет инициативного, умного, руководимого дальновидным прогнозом и передовой военной теорией Генерального штаба. Такого Генерального штаба накануне войны у Сталина не было и, к сожалению, в значительной степени по его собственной вине»¹⁹. При этом автор записки явно игнорировал непрочность институциональных позиций Генерального штаба внутри сталинской вертикали управления и подчинённое положение «мозга армии» и военно-стратегического планирования в условиях диктатуры.

Как считал Иссерсон, «перед каждым, занимающимся военно-историческим исследованием начального периода Великой Отечественной войны и спрашивающим себя, почему события 1941-го года приняли для нас сразу такой тяжёлый, драматический оборот, неизбежно встают два вопроса. Первый вопрос — почему наша армия оказалась в июне 1941-го года в мобилизационном и оперативном отношениях в такой неготовности и невозможности организованно вступить в борьбу и дать отпор напавшему врагу. Второй вопрос — как можно было в тяжелейшей обстановке, в которой война для нас началась, вырвать события из хаоса, в который они были ввергнуты внезапностью напавшего врага; ввести их в определённое русло, подчинить их определённой стратегической идее, придать таким образом событиям некий управляемый ход, создать организованный фронт и остановить нашествие врага на избранном стратегическом рубеже. Оба эти вопроса требуют своего ответа, и всякое военно-историческое исследование, которое их обходит, становится беспринципным. А разрешая эти вопросы, оно вместе с тем раскрывает причины: в первом случае — почему это произошло (то есть почему мы оказались неготовыми вступить в борьбу); а во втором случае — почему это не произошло (то есть почему мы не могли подчинить ход событий своей целеустремлённой воле и не остановили нашествие врага). Не задаваться этими вопросами — значит встать на совершенно неприемлемую для исторического материализма и в корне порочную точку зрения, которая сквозит в высказываниях ряда наших авторов, в том числе и авторов 1-го тома Истории Великой Отечественной войны..., и заключается в том, что всё, что произошло в 1941-ом году в начале войны; в условиях той обстановки, в которой оно произошло, — было неизбежно и не могло быть иначе. Во всяком случае, все причины, которые выискивают авторы 1-го тома²⁰ (и просчёты Сталина, и проблемы нашей оперативной подготов-

¹⁸ Там же, л. 3.

¹⁹ Там же, л. 4.

²⁰ В рукописи Иссерсон ссылался на с. 479 рассматриваемого тома.

ки, и недостатки в организации обороны западной государственной границы СССР, и стратегическая внезапность нападения и т.д., и т.п.) должны как будто оправдать эту точку зрения и доказать, что в тех условиях, в которых война для нас началась, — все беды 1941-го года должны были наступить автоматически. *Ненаучная это точка зрения*»²¹.

Иссерсон исподволь указывал на опасную инерцию советского военно-стратегического планирования, остававшегося в своих ключевых аспектах неизменным, начиная с 1925 г.²² По его словам, «причины событий 1941-го года уходят своими корнями в те решающие перед войной (38—40-ые) годы, когда окончательно уточнялись наши мобилизационные и оперативные планы и когда наш фронт развёртывания был вынесен вперёд на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины, что совершенно изменило условия мобилизационной и оперативной готовности наших пограничных войск»²³.

В результате «приграничные войска были на линии Западного Буга в сущности открыто подставлены удару, оставаясь ничем не обеспеченными ни в мобилизационном, ни в оперативном, ни в военно-инженерном отношениях». «Речь идёт здесь, разумеется, не о том, что не следовало занимать Западной Белоруссии и Западной Украины, — пояснял полковник, — в политической обстановке 1939-го года это было совершенно необходимо и стратегически выгодно. Но всякое вынесение вперёд линии развёртывания является серьёзным, большим стратегическим актом, требующим немедленного принятия ряда практических мер в области мобилизации, сосредоточения, инженерного обеспечения и принятия соответствующей оперативной группировки дислокации. Однако в этом отношении практически ничего не было сделано, и авторы 1-го тома И[стории] В[еликой] О[течественной] В[ойны] это в скрытом виде признают, предъявляя ряд серьёзных обвинений Генеральному штабу»²⁴.

Традиционно большие сроки советской мобилизации и негибкость плана стратегического развёртывания, ещё как-то допустимые, пока противником являлась Польша, после её разгрома и поглощения Германией стали смертельно опасны. Между тем «выдвижение вперёд нашей линии развёртывания без принятия цельной системы мер обеспечения этой стратегической акции» свелось «к простому перенесению дислокации приграничных войск из казарм на Березине в казармы на Буге». Именно «это и поставило наши лучшие приграничные войска в невыносимое положение, подставив их в июне 1941-го года под внезапный удар в неотмобилизованном виде, в казарменном или лагерном расположении, без всякой оперативной группировки и без возможности опереться на укреплённые районы, в то время как оставленные позади укреплённые районы были разоружены». «Поэтому, — заключал Иссерсон, — если говорить о главном просчёте, как об одной из основных причин тех бедствий, которые постигли нашу несомненно хорошую армию в первый период войны, то этот просчёт был сделан именно Генеральным штабом в решающие 39—40 годы. Ибо не ждать внезапного стратегического нападения со стороны фашистской Германии после всего того, что произошло в 39—40 годах в Польше, Норвегии,

²¹ РГВА, ф. 40871, оп. 1, д. 24, л. 6—7. Фраза, выделенная курсивом, в записке подчёркнута.

²² Подробнее см.: Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х — середина 1930-х гг.). М., 2008. С. 33.

²³ РГВА, ф. 40871, оп. 1, д. 24, л. 8.

²⁴ Там же, л. 9.

Франции и на Балканах; не готовить свой стратегический фронт и свои вооружённые силы к такой возможности вне зависимости от того, каковы соображения по этому поводу правительственных кругов и в данном случае Сталина; сохранять беспечное спокойствие в тиши Генерального штаба и без всякого стратегического предвидения взирать на бурю, которая в Европе бушевала уже у самых наших границ, — это, конечно, могло быть присуще только беспечно-сти и недальновидности, столь недопустимым на высшем стратегическом посту в армии»²⁵.

Конечно, настаивал Иссерсон, «нужно всегда иметь в виду, что крупные события войны никогда не являются следствием одной причины или вины одного человека. Но в данном случае речь идёт только о тех допущенных перед войной просчётах и недальновидности, следствием которых была мобилизационная и оперативная неготовность наших передовых армий, за что Генеральный штаб нёс прямую ответственность. Но более того; когда война уже грянула и приняла сразу столь грозный оборот, разве не следовало, осознав допущенные просчёты, искупить их обязанностью подать разумный стратегический совет, как вывести не готовые к бою приграничные войска из-под удара, как и где организовать отпор нашествию врага. Но это также не последовало и ввергло ход событий в неуправляемый и тяжёлый хаос»²⁶. Между тем, если с осени 1939 г. до лета 1941 г. ещё имелось время для реализации каких-либо альтернативных решений, то когда оно истекло, и немцы, упредив Красную армию в мобилизации и сосредоточении, добились самых благоприятных условий для начала боевых действий, катастрофа приграничного сражения становилась неотвратимой. И ни Сталин, ни Генеральный штаб уже практически ничего не могли предпринять для спасения войск западных округов от разгрома.

В послевоенные десятилетия от маршалов и генералов победоносной Советской армии сложно было ожидать энтузиазма в работе над ошибками. Обычно лишь побеждённые бывают по-настоящему проникательны и самокритичны. Государственная власть, ревниво оберегавшая репутацию армии, также не желала широких дискуссий о причинах поражений 1941 г. и тем более — поимённого установления виновных, чего добивался Иссерсон. «За конкретными фактами, — напоминал он в своей записке, — стоят конкретные личности. В задачи истории входит как одно из требований давать этим личностям объективно правильную оценку в свете вскрывшихся событий. История — суровый предмет. Вскрывая факты, она находит их виновников и призывает к ответственности каждого, кто за происшедшие события в ответе. Если история этой задачи не выполняет, она теряет свою поучительность. Так не следует ли такому значительному историческому изданию, как И[стория] В[еликой] О[течественной] В[ойны] эту задачу выполнить и назвать конкретного виновника той драмы, которая разыгралась на театре военных действий в начале войны, не прикрываясь именем Сталина; и не нужно ли отбросить точку зрения тех авторов, которые обходят этот вопрос, оказывая очень плохую услугу истории, которая должна учить и предостеречь от подобных ошибок, дабы 1941 год никогда больше не повторился»²⁷.

²⁵ Там же, л. 10.

²⁶ Там же, л. 11.

²⁷ Там же, л. 11—12.

Отвергая официальную версию событий предвоенного периода, чётко разделяя политические и оперативно-стратегические предпосылки катастрофы и прямо связывая её с мобилизационными и оперативными планами, составленными в 1939—1941 гг., Иссерсон, по существу, шёл даже дальше, чем А.М. Некрич в его новаторской для своего времени работе²⁸.

Фактически вина за поражения советских войск возлагалась в записке на маршала Б.М. Шапошникова, возглавлявшего Генеральный штаб в 1937—1940 гг. (хотя прямо он назван не был). Именно ему осенью 1939 г., после изменения западной границы СССР, предстояло определить основные направления стратегической подготовки к неизбежному столкновению с Германией. Сменившие его К.А. Мерецков и Г.К. Жуков во многом являлись заложниками решений своего предшественника. Основы мобилизационного развёртывания армии ими не пересматривались.

Однако, выдвигая свои обвинения, автор записки явно не был свободен от личных пристрастий и давних счётов. Талантливый, но излишне резкий в суждениях, упрямый и заносчивый Иссерсон относился к числу «трудных подчинённых». В середине 1920-х гг. он быстро настроил против себя Тухачевского²⁹, а в середине 1930-х гг., работая в центральном аппарате Генерального штаба, вступил в конфликт со своими непосредственными начальниками — комкорами В.Н. Левичевым и С.А. Межениновым³⁰. С Шапошниковым — признанным «патриархом» советской штабной службы — у главного теоретика глубокой наступательной операции ещё в начале 1930-х гг. возникли достаточно острые профессиональные разногласия. Иссерсон служил тогда преподавателем и адъютантом Военной академии, которой руководил Борис Михайлович³¹.

В 1960 г. полковник заявлял, что советская стратегия обязана создать для внешней политики действенную опору, но не указывал, каким именно способом. Иссерсон также писал о необходимости заблаговременно противопоставить немцам на передовом рубеже организованный фронт, хотя в реальности подобные контрмеры было практически невозможно предпринять при существовавшей в Красной армии схеме мобилизационного развёртывания.

В июне 1941 г., как и в 1920—1930-е гг., вооружённые силы СССР оставались типичной массовой, т.е. кадрово-резервной армией. Для того, чтобы развернуть свои главные силы с соответствующими тылами и средствами усиления, ей требовалось пройти через длительный период мобилизации и сосредоточения. Скорость доведения кадрированных дивизий до штатов военного времени за счёт призыва из запаса обученных резервистов, а затем перемещения этих войск на театр военных действий, в конечном итоге определяла то, как быстро стратегия могла откликнуться на изменившиеся внешнеполитические условия. Для России с её огромными пространствами, недостаточно развитыми коммуникациями и относительно низкой плотностью населения эти сроки традиционно были очень большими.

К 22 июня 1941 г. Красная армия насчитывала 4 826 тыс. человек (в том числе 74 945 военнослужащих и военных строителей в формированиях гражданских ведомств), объединённых в 79 авиационных и 303 стрелковые, танко-

²⁸ Некрич А.М. 1941. 22 июня. М., 1965.

²⁹ Harrison R.W. Op. cit. P. 43.

³⁰ Ibid. P. 150—151.

³¹ Ibid. P. 168.

вые, механизированные, мотострелковые, кавалерийские дивизии³². Если бы в июне 1941 г. Советский Союз успел завершить общее мобилизационное развёртывание, под ружьём оказалось бы 8 682 827 человек. По сравнению с 1 сентября 1939 г. численность войск увеличилась более чем в 2,5 раза, однако этот рост достигался в первую очередь за счёт наращивания численности кадрированных соединений. Способность советских вооружённых сил действовать, не прибегая к экстраординарным мобилизационным приготовлениям, по-прежнему оставалась крайне ограниченной.

Между тем в 1940 г. вышла в свет последняя большая книга Иссерсона «Новые формы борьбы»³³. В ней анализировался опыт гражданской войны в Испании 1936—1939 гг. и Сентябрьской кампании 1939 г. в Польше и, в частности, рассматривались новые оперативные приёмы преодоления позиционного тупика и способы целенаправленного смещения в мирное время значительной части военных приготовлений для упреждающего и скрытного создания фронта вторжения. Вдумчивое изучение подготовки немцев к Польской кампании позволяло обнаружить несомненную пользу от постоянного содержания половины расчётного состава вермахта в штатах военного времени. В результате Германия смогла собрать и двинуть в бой силы, достаточные для разгрома и оккупации Польши, не объявляя мобилизацию, которая сигнализировала бы полякам о надвигавшейся на них угрозе. Более того, Иссерсон делал достаточно прозрачный намёк на то, что при неблагоприятном стечении обстоятельств Советский Союз рискует также оказаться застигнутым врасплох и повторить, в многократно увеличенном масштабе, польскую драму.

Весной 1941 г. в положении СССР и Германии существовала важная стратегическая асимметрия. Армия Гитлера не нуждалась в мобилизационном развёртывании. Вермахт уже находился на положении военного времени, имел полную штатную численность дивизий, необходимые средства усиления и организованный тыл. Чтобы вступить в войну с Советским Союзом, немецким генералам следовало просто передислоцировать на восток и скрытно разместить в приграничных районах намеченные по плану «Барбаросса» ударные группировки.

В то же время лишь немногие советские дивизии в приграничной полосе были на постоянной основе укомплектованы близко к штатам военного времени. Именно из них на западном стратегическом направлении перед войной формировался старомодный эшелон прикрытия, занимавший линию укрепрайонов и призванный обеспечить беспрепятственное сосредоточение войск в момент перехода от мирного состояния к военному, когда Красная армия была наиболее уязвима. Однако противостоять главным силам противника в приграничном сражении он был заведомо неспособен.

Весной—летом 1941 г. советские мобилизационные приготовления начались с безнадёжным опозданием. В результате запоздалых и половинчатых мер, принятых в мае—июне, к началу войны группировка, собранная на передовом рубеже, находилась в состоянии незавершённого развёртывания. Значительная часть входивших в неё дивизий оставалась неотмобилизованной. Сама эта группировка не имела ни наступательной, ни оборонительной конфигурации,

³² Веселов В.А. Состояние вооружённых сил Советского Союза перед Великой Отечественной войной // Великая победа: историческое значение и современность. Тверь, 2000. С. 34.

³³ Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы. М., 1940.

находясь перед лицом заранее развёрнутых главных сил противника. Дивизии вторых эшелонов приграничных округов, хотя и были скрытно пополнены в ходе «больших учебных сборов», маскировавших частичную мобилизацию, находились слишком далеко от границы.

Но для того, чтобы в 1939—1941 гг., при резко возросшей опасности войны, постоянно содержать на западном направлении заранее развёрнутый стратегический фронт, способный выдержать встречное сражение с главными силами вермахта ещё до подхода поднимаемых по мобилизации резервных соединений, Советскому Союзу требовалось постоянно иметь на границе в штатах военного времени десятки дивизий вместе со средствами их усиления. Оперативную готовность армии «к вступлению в войну в любых условиях, которые ей могут быть навязаны», на необходимости которой настаивал Иссерсон, по-другому обеспечить было просто нельзя. Соответственно, данный передовой эшелон пришлось бы, по сути, исключить из общего мобилизационного расписания. При этом людей, технику и запасы вооружения для его создания в реальности можно было высвободить лишь за счёт радикального сокращения численности кадрированных дивизий. Ничего подобного советские планы 1939—1941 гг., как известно, не предусматривали³⁴.

Такая мера, будь она предпринята, потребовала бы полной и радикальной перестройки всей организационной структуры Красной армии, причём в предельно сжатые сроки. Она повлекла бы за собой резкое сокращение количества кадрированных соединений, игравших роль структурного каркаса развёртываемой по мобилизации массовой армии, для создания ограниченного числа дивизий постоянной готовности. В военном строительстве подобные импровизации могут иметь самые тяжёлые последствия. Потребовался бы разрыв с предшествовавшей 80-летней традицией строительства вооружённых сил по кадрово-резервному принципу и слом — буквально на пороге войны — пусть и не соответствовавшей обстановке, но привычной и всё ещё вполне работоспособной схемы всеобщей мобилизации и связанного с ней плана стратегического развёртывания. Столь фундаментальная и рискованная реконструкция нуждалась в санкциях не Наркомата обороны и Генерального штаба, а высшего политического руководства и лично Сталина.

Вторжение же военных в сферу ответственности партийной власти могло иметь для них самые трагические последствия. В 1937—1938 гг. Сталин ясно дал понять, что ни при каких обстоятельствах не потерпит подобной дерзости, а потому лишний раз указывать на ненадёжность пакта о ненападении с Германией или настаивать на необходимости серьёзной реорганизации Красной армии было смертельно опасно. От высшего командования, только что подвергнутого децимации и запуганного, не следовало ожидать нестандартных решений, самостоятельных оценок или инициатив.

Как бы то ни было, несмотря на спорность некоторых суждений Г.С. Иссерсона, его наблюдения по-прежнему представляют несомненный интерес для историков. Помимо прочего, они показывают, как в 1950—1980-х гг. могло бы развиваться критическое осмысление опыта Великой Отечественной войны, если бы позднесоветская военно-историческая школа опиралась на научно-теоретические достижения 1930-х гг.

³⁴ Подробнее см.: 1941 год — уроки и выводы. М., 1992; 1941 год. Кн. 1—2. М., 1998; 1941: документы и материалы. К 70-летию начала Великой Отечественной войны. Т. 1—2. СПб., 2011.